

М. Г. Делягин¹

КРИЗИСЫ ГЛОБАЛЬНОГО МОНОПОЛИЗМА И ПЛАНЕТАРНОЙ РОЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ОБЩИЙ ВЫХОД?

Глубина мирового финансового кризиса недооценивается из-за игнорирования его фундаментальной причины — исчерпанности модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза. После победы в холодной войне глобальные корпорации Запада эгоистично перекроили мир в своих интересах, лишив (для недопущения конкуренции) свыше половины человечества возможности нормального развития.

По своим масштабам, глубине и разрушительности преобразований для осваиваемых обществ, но главное — по своему значению для развитых стран *освоение постсоциалистического пространства можно сравнить лишь со второй Конкистой*.

Первая за счет разграбления цивилизаций Центральной и Латинской Америки обеспечила ресурсами формирование в развитых странах Запада классического капиталистического общества.

Вторая Конкиста, развернувшаяся в конце 1980-х годов, за счет не менее беспощадного разграбления постсоциалистического и неразвитого мира технологически, интеллектуально и финансово обеспечила глобализацию, в том числе *перерастание развитых стран в качественно новое состояние глобального общества* на основе развития уже не индустриальных, но информационных технологий.

Эксплуатация дополнялась навязыванием (при помощи глобальной рекламы) оgrabяемой части человечества представлений о нормальности и, более того, необходимости даже не повседневных, а высочайших стандартов западного потребления. *Растущее понимание представителями неразвитого мира (в том числе бывших социалистических стран) невозможности достижения этих стандартов их обществами породило феномен национального предательства либеральных реформаторов. Осознавая невозможность развития своих обществ в рамках сложившихся «правил игры», они сосредоточивали свои усилия на обеспечении личного уровня потребления, соответствующего стандартам глобальной рекламы, — за счет попыток войти в круг «глобальных кочевников».*

Обострение этого противоречия к концу 1990-х годов многократно усугубило глобальную напряженность, терроризм и буквально смывающую современную западную цивилизацию миграцию. Однако развитые общества ощутили разрушительные последствия эгоизма глобальных корпораций намного быстрее.

Лишение огромной части человечества возможностей развития ограничило сбыт самих развитых стран, создав кризис перепроизводства, правда в первую очередь не традиционной продукции, а преи-

мущественно продукции информационных и управленческих технологий, *high-hume'a*, а не *high-tech'a*. *Дополнительным фактором, усилившим этот кризис, стало относительное сжатие спроса уже не в неразвитых, а в самих развитых странах. Это происходило за счет обнищания их собственного «среднего класса» под влиянием распространения информационных технологий (во многом также вызванного уничтожением «социалистического лагеря», давшим необходимые для этого распространения ресурсы).*

Автоматической реакцией глобальных корпораций на эту первую волну глобального кризиса перепроизводства стало «накачивание» недостающего спроса за счет кредита. Кредитованием потребителей занимались не глобальные корпорации, но правительства стран их базирования и международные финансовые организации.

Обособление глобальных корпораций от государств окончательно произошло именно в ходе реализации этой стратегии к середине 1990-х годов. Причина обособления была проста: корпорации не хотели нести ответственность за чрезмерно рискованные кредиты, пусть даже и выданные в их интересах, и солидаризоваться с теми, кто это кредиты выдавал, пусть и под их давлением.

Стимулирование сбыта кредитованием неразвитого мира вызвало в 1997–1999 годах кризис долгов, бумерангом ударивший по США в 2000–2001-м. США вытащили себя (и мировую экономику, стержнем которой они являются) из начинавшейся депрессии при помощи реализации двух ключевых стратегий.

Первая стратегия — *«экспорт нестабильности»*. Непосредственно она ориентирована на подрыв конкурентов (или их периферии), вынуждающий их капиталы и интеллект (а также капиталы и интеллект неразвитых стран, до начала соответствующего кризиса намеревавшиеся бежать к ним) бежать в «тихую гавань» — США.

Однако главным заключается в том, что рост нестабильности оправдывает рост военных расходов в самих США, взамен рынка стимулирующих экономику и технологии («военное кейнсианство» Рейгана). Реализованная в 1999 году в Югославии против еврозоны, а затем в 2001-м, как минимум, в Афганистане, эта стратегия исчерпала себя уже в 2003 году в Ираке.

Вторая стратегия поддержки экономики США — *«накачка» рынка безвозвратных ипотечных кредитов*. Созданный ею финансовый пузырь начал «ползти по швам» еще летом 2006 года, но разнообразие, многоуровневость и гибкость финансовой инфраструктуры США привели не к мгновенному краху, но к длительной агонии, перешедшей в открытую форму только в сентябре 2008 года.

Обе стратегии поддержания мировой экономики, позволившие временно «заморозить» глобальный кризис перепроизводства, к 2008 году полностью исчерпали свой ресурс.

¹ Директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, действительный государственный советник 2-го класса. Автор более 800 научных публикаций, в т. ч. 12 книг, среди которых: «Экономика неплатежей», «Идеология возрождения», «Мировой кризис. Общая теория глобализации», «Россия после Путина», «Драйв человечества». Почетный профессор Цзилиньского университета (Китай).

Сегодня развитые страны пытаются уже не повысить свою конкурентоспособность, а просто записать мир обратно в уже уходящие навсегда 1990-е и 2000-е годы, когда под видом разговоров о глобализации сложился по сути дела новый колониализм.

Неспособность США поступиться даже малой частью текущих интересов ради урегулирования своих же стратегических проблем, их поистине убийственный эгоизм делают невозможным осмысленное изменение глобальной финансовой архитектуры.

Это не только делает глобальное развитие стихийным и соответственно сопровождающимся неоправданными диспропорциями и разрушениями. Положив конец американскому интеллектуальному лидерству (ибо первенство интеллекта оказывается обесценено тупиковой системой интересов), эта невозможность выталкивает на авансцену мирового развития новых ключевых участников — не только Евросоюз, но и Китай, тем самым уничтожая Pax Americana.

Похоже, *интеграция человечества вновь, как в начале XX века, превысила возможности его управляющих систем, и теперь оно вынуждено уменьшить ее глубину*, восстанавливая управляемость за счет примитивизации процессов развития.

На практике это обернется *переходом от глобализации к регионализации*: ускорением формирования макрорегионов, ведущих между собой жесткую всеобъемлющую конкуренцию.

Вероятно, равновесие будет временно достигнуто восстановлением биполярной системы (с противостоянием США и Китая при Евросоюзе, Японии, Индии и, возможно, России в качестве совокупного балансира) в политике и поливалютной — в экономике. Каждая валютная зона будет иметь свою резервную валюту (доллар, евро, юань), и эти валюты будут конкурировать друг с другом.

Однако фундаментальная проблема современного развития — не эгоизм США, не нехватка ликвидности, не кризис плохих долгов и даже не утрата собственниками контроля за топ-менеджерами, но отсутствие источника роста США, а с ними — и всей мировой экономики. Даже оздоровление финансов США не смягчит кризиса перепроизводства продукции глобальных монополий и не создаст нового экономического двигателя взамен разрушившихся. Это значит, что *из сегодняшнего кризиса мировая экономика выйдет не в восстановление, а в длительную и тягелую депрессию*.

Фундаментальная причина новой мировой депрессии, первопричина кризиса перепроизводства — глобальное загнивание глобальных же монополий. Их монополизм усугубляется изменением характера самого технологического прогресса — распространением высокопроизводительных «метатехнологий», использующий которые субъект рынка лишается возможности конкуренции с их разработчиком.

Развитие и усложнение технологий ведет к тому, что *деньги теряют значение*. Символом успеха и инструментом его достижения все меньше становятся легко отчуждаемые деньги. Все больше эту роль выполняют сливающиеся со своими разработчиком и пользователем, все менее отчуждаемые от них технологии, причем значимость социальных технологий,

связанных с управлением и особенно формированием сознания, возрастает неуклонно.

Однако, несмотря на это, *загнивание глобальных монополий будет, скорее всего, преодолевать так же, как и загнивание монополий обычных: сменой технологического базиса*, в ходе которой новые, более производительные технологии сломают устаревшие социальные отношения и, в частности, преодолеют монополизм.

Глобальные монополии ощущают это и всеми силами стремятся затормозить способный подорвать их доминирование технологический прогресс.

Впрочем, прежде всего он тормозится по объективным причинам: из-за экономизации и деидеологизации процесса управления, исчезновения сверхзадач и замены их мотивом прибыли. Ведь *инвестиции в создание качественно новых технологических принципов нерыночны*: инвестор не знает, получит ли он за свои деньги хоть что-нибудь, а если получит — то когда и что именно.

Тем не менее уверенность в неизбежности радикального упрощения и удешевления господствующих технологий основана на невозможности длительного масштабного торможения технологического прогресса и очевидности технологического, экономического и социально-политического тупика, в который привело мир доминирование уже загнивающих глобальных монополий.

Социальные последствия «технологического взрыва», которым человечество будет преодолевать загнивание глобальных монополий, будут усугублены изменением взаимодействия человечества с природой, выражающимся в увеличении общесистемных рисков.

Стандартные объяснения кризиса американской ипотеки, помимо естественной для спекулянта алчности, указывают на объективную потребность американской экономики в накачивании спекулятивного «финансового пузыря» для стимулирования продолжения ее роста. Кроме того, увеличение объема ипотеки (в том числе и даже в особенности безвозвратной) представляло собой замаскированный (так как американская идеология плохо воспринимает саму идею социальной помощи) способ обеспечения социальной помощи, необходимой в условиях стремительного размытия (а говоря проще, разорения) американского «среднего класса».

Эти объяснения правильны, но они носят макроэкономический характер, объясняя общественную потребность в этих вопиющих безобразиях. Между тем, помимо общественной потребности, существовала еще и потребность инвесторов, — и вот эту причину кризиса, лежащую на микроуровне, на уровне отдельных субъектов экономики, наблюдатели предпочитают тактично не замечать.

А ведь многоуровневая «перепаковка рисков», приводящая к утрате регулируемыми органами всякого контроля за обращающимися на рынках обязательствами, выполняла важнейшую экономическую функцию — страхование рисков инвесторов.

На этом пути были достигнуты выдающиеся успехи: благодаря многоуровневой системе деривативов риски инвестора, вкладывающего свои средства

в первоклассные облигации американской корпорации, были на порядок — примерно в десять раз! — ниже рисков самой этой корпорации. Это позволяло получать практически гарантированную доходность и обеспечило (наряду с макроэкономической функцией) бурное развитие деривативов.

США — а с ними и весь мир, так как их экономика является основой мировой, — столкнулись с действием закона *сохранения рисков*, по которому *общая величина рисков в большой системе примерно постоянна*. В результате снижение индивидуальных рисков значимого числа элементов этой системы неминуемо ведет к перекладыванию этих рисков на более высокий уровень — и соответственно к нарастанию общесистемных рисков. В частности, сведение индивидуальных рисков к минимуму увеличивает общесистемные риски настолько, что это, как правило, приводит к разрушению системы.

Именно это произошло в американской финансовой системе, — но ведь это же происходит и с человечеством в целом. Наблюдается системное нарастание неблагополучия, свидетельствующее об исчерпании традиционной модели взаимодействия человечества с планетарным природным комплексом, частью которого оно является. Исчерпание потенциала старой модели означает начало перехода к какой-то новой модели такого взаимодействия, которая еще нам непонятна, но может потребовать существенных изменений в нашем привычном образе жизни.

Нельзя исключать и *опасности деструкции не способного справиться с нарастанием своих системных рисков человечества*, то есть *значимого упрощения его внутренней организации, десоциализации уже на планетарном уровне*, а не только в рамках отдельных обществ.